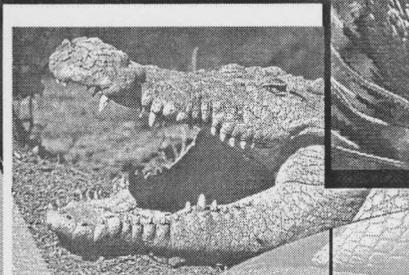
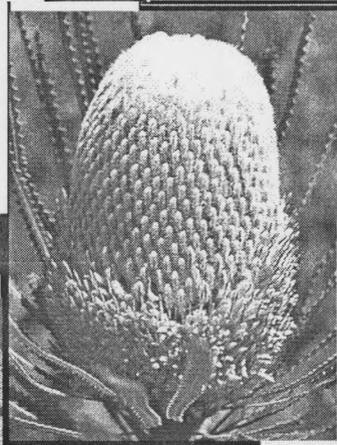
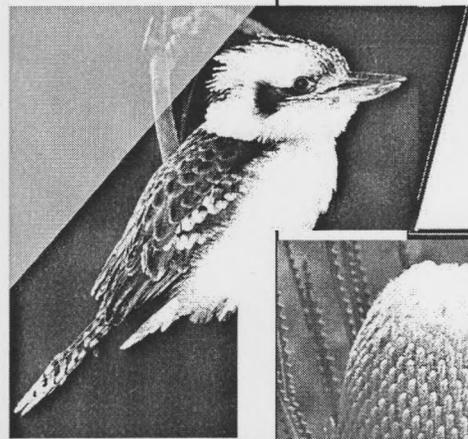

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

8

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Ученый рассказывает...

Доктор исторических наук Владимир Рафаилович Кабо - этнограф и историк первобытного общества, первобытной культуры и религии, специалист по истории и культуре аборигенов Австралии. Живёт в Канберре

Владимир КАБО

ВЕЧНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

III ТЮРЬМА И ОБЩЕСТВО: АРХЕТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Прошлое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А.П. Чехов. Студент

Пять лет моей жизни – с октября 1949 по август 1954 года – прошли в советских тюрьмах и лагере. Еще недавно я был студентом-историком, и эти годы совпали с пробуждением моего интереса к этнологии и истории первобытного общества, к архаическим формам социального поведения и мышления. Этому способствовала и сама среда, в которой я оказался. Большую часть заключенных моего лагеря (16 ОЛП Каргопольлага) составляли осужденные по так называемым бытовым статьям, меньшую – политические, сидящие по 58-й статье (к ним принадлежал и я). Мне была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным способом «погружения» в него – подобно тому, как изучает какое-нибудь африканское или океанийское племя этнолог, живущий в нем непрерывно несколько лет, завоевавший доверие туземцев и принятый в племя.

Расслоение окружающего меня общества, поведение людей чем-то напоминали структуру и формы поведения обществ на поздней стадии первобытности. Структура этого общества имела иерархический характер. Правда, она менялась на моих глазах. Сначала в ней господствовали «суки», изгои блатного мира, осужденные своими прежними товарищами на физическое уничтожение. В обществе царили произвол и власть грубой силы. Но затем в лагерь привезли группу воров в законе. Им удалось обзавестись холодным оружием, запрещенным в лагере, и совершить переворот, возможно, задуманный и подготовленный самим лагерным начальством. Ранним утром, перед разводом, в бараках было зарезано около десятка сук. Власть перешла к ворам, однако, война продолжалась, но теперь она приобрела «внутрипартийный» характер – ее вели различные фракции внутри воровской касты. Еще одна массовая резня произошла месяца через два в одном из барачных режимной зоны, в котором заключенных запирали на ночь. Среди убитых были и несостоятельные должники-картежники, и подозреваемые в предательстве, в доносах, в измене воровскому закону. И только после этой «ночи длинных ножей» беспределу пришел конец и наступила власть закона. Термин «ночь длинных ножей» стал широко известным после того, как Гитлер, придя к власти, расправился подобным же способом со своими бывшими соратниками.

Воры установили в лагере жесткий и, соответственно их системе представлений, справедливый порядок. У мужика – простого заключенного – больше никто не мог отобрать по собственному произволу деньги или полученную из дома посылку. Получив заработанную на лесоповале небольшую зарплату, он отдавал заранее обусловленную ее часть бригадиру, а тот, в свою очередь, передавал ее ворами. Эти деньги шли на их текущие нужды и пополняли «общак» – воровской резервный фонд. Кроме того бригадир был обязан «проводить» в рабочих нарядах воров как работающих, хотя в действительности они не работали и сидели в зоне или грелись в лесу у костра. Но за это воры обеспечивали трудящимся спокойное существование, «социальную защищенность», «стабильность». Лагерная администрация тоже была заинтересована в такой системе «косвенного управления», так как она обеспечивала и выполнение производственного плана, и порядок в зоне. Термином «косвенное управление» в свое время характеризовалась система колониального правления Великобритании, осуществляемого через местных вождей и «больших людей».

В тюрьме, где условия жизни иные, чем в лагере, воры, в мое время, делили в свою пользу и чужие передачи, и чужие вещи. Они считали это своим законным правом. В меняющейся ситуации борьба за существование диктовала свои правила игры. Не подлежала дележу только «законная», «кровная» пайка. Но святость и этой заповеди соблюдалась лишь до известного предела, до настоящего голода. Воровские законы «соблюдаются обычно только до тех пор, пока не стесняют вора».¹

В бесструктурном, хаотическом состоянии, царившем в моем лагере при суках, выкристаллизовалась твердая структура. На вершине иерархии теперь находилась немногочисленная, но сплоченная группа воров в законе, внизу – масса работяг, или мужиков. Между теми и другими, как и полагается, располагалась прослойка – интеллигенция из заключенных: работники бухгалтерии, плановой части, санчасти и т.п. От них требовалась только лояльность к ворами и установленному ими порядку. А на самом дне социальной структуры влачили существование пассивные гомосексуалисты, или педерасты – они обслуживали в первую очередь потребности воров и за это пользовались некоторыми привилегиями, например, освобождались от тяжелой работы в лесу.

Во главе воров, в свою очередь, стояла еще более узкая группа «старших» воров, возглавляемая одним «паханом» или несколькими «авторитетами». Внутри этой группы шла постоянная борьба за власть. Время от времени кто-нибудь из воров оказывался нарушителем воровского закона, кодекса воровской чести. Или откуда-то из дальних лагерей приходила «ксива» – письмо, разоблачающее кого-нибудь из воров в преступлениях против воровского закона, совершенных когда-то в прошлом, в другом лагере или еще на воле. И на «толковище» – совещании воров, в данном случае суде чести – такой человек, – если он не сумел доказать свою невиновность, – приговаривался к смерти как предатель и сука. Таким «ссучившимся» ворами иногда удавалось скрыться на вахту, под защиту вооруженной охраны, и их увозили в другие лагеря, где господствовали суки.

Толковище – не только суд, это, скорее, демократический орган, воровское вече, где обсуждаются все насущные проблемы воровской корпорации. В этой функции толковище соприкасается с воровской сходкой (см. ниже).

Суки, нарушители воровского закона, изгоняются из блатного мира и преследуются им, подобно нарушителям закона предков в первобытном обществе. Известны многочисленные случаи убийства или изгнания таких нарушителей из племени. У аборигенов Австралии, да и в других архаических обществах наиболее жесткие социальные нормы были связаны с правилами вступления в брак – с кем разрешено вступать в брак, а с кем нет. Нормы экзогамии разрешали браки только за пределами собственной, чаще всего родственной группы. Особенно сурово преследовался инцест – половая связь между ближайшими кровными родственниками. Кровосмешение каралось смертью или изгнанием. Закон требовал жестокого наказания для замужней женщины, сбегавшей с другим мужчиной, и для этого мужчины. Не менее сурово наказывались женщины и непосвященные мужчины, увидевшие запретные для них священные реликвии или оказавшиеся свидетелями запретных для них религиозных обрядов. Убивали и их, даже если они принадлежали к той же общине.² И в среде воров, и у охотников и собирателей, сохранивших традиционный образ жизни, общество показывает, как серьезно оно относится к Закону, как свято чтит его. Очищая себя от преступивших Закон, оно тем самым утверждает свои устои и укрепляет себя.

А. Хауитт рассказывает о группе аборигенов юго-восточной Австралии, которые называли себя маан, что значит «люди». Территория, которую они населяли, была отрезана от земель других племен почти непроходимыми джунглями и горами. Изучив их язык, обычаи, предания, Хауитт пришел к выводу, что группа эта ведет происхождение от нарушителей племенных законов, бежавших от наказания, и от людей, скрывавшихся от личных врагов.³ Происхождение этой группы и ее самоизоляция указывают на то, что перед нами изгой первобытного мира, аналогичные отверженным иного, блатного мира – сукам.

На низшей ступени воровской иерархии находились «малолетки», юные уголовники, проходящие обучение под руководством старших воров, будущие воры в законе, их смена, те, кто пополнит – сначала в лагере, а потом на воле – воровские кадры. Они еще овладевают нормами воровского мира, приобщаются к его тайнам, но уже принадлежат к правящему сословию.

Для блатного мира в условиях лагеря характерен также институт «шестерок», добровольных слуг из уголовников более низкого ранга, которые обслуживают пахана и других

воров в законе. Шестерки убирают, готовят пищу, бегают на посылках и за это пользуются покровительством своих хозяев.

В настоящее время, кроме шестерок, называют еще другие категории лагерной обслуги вора в законе или авторитета – пацанов, быков и громоотводов.⁴ Быки – исполнители физических расправ, громоотводы – люди, берущие на себя преступление авторитета. Наиболее привилегированное положение в этих группах занимают пацаны. По существу пацаны – это те же малолетки, как их называли в мое время. Пацана могут признать положенцем, потенциальным кандидатом на воровской венец – как в прошлом малолетку. Проходя обряд посвящения, положенец произносит клятву, которая начинается словами: «Я как пацан, который хочет служить воровскому братству...».⁵

Сообщество воров образовывало особый мир, сцементированный собственным моральным кодексом, собственными представлениями о долге, особыми нормами поведения, выработанными многими поколениями людей этой древней профессии. Наибольшим уважением среди воров пользовались так называемые технические воры, профессионалы высшего класса, артисты и виртуозы своего дела. Эти аристократы преступного мира выделялись среди заключенных своего круга более высоким интеллектуальным развитием и интересами, нередко любовью к поэзии (кумир – Есенин). Они не запятали свое призвание «микром» делом, в совершенстве владели феней – воровским жаргоном – и избегали вульгарной матерщины.

В категорию воров, в мое время, не попадали ни бандиты, ни убийцы. Не было тогда, – во всяком случае, в моем лагере, – «чушковых», неприкасаемых, рабов, с которыми можно делать «все, что угодно». О чушках, об «опущенных» писал еще Лев Самойлов (псевдоним археолога Л. Клейна), который оказался в лагере 30 лет спустя, в начале 1980-х годов.⁶ За это время лагерь во многом стал иным. Иерархическая структура сохранилась, но появились новые категории заключенных, изменился характер взаимоотношений между ними. Я уже упомянул пассивных гомосексуалистов, которые как особая группа существовали и в мое время. Уже тогда они находились на социальном дне, и все же их положение не идет в сравнение с положением нынешних «опущенных» или «обиженных». В настоящее время это – самая презираемая часть лагерного населения, в которую, кроме пассивных гомосексуалистов, входят также малолетних и жертвы насилия в зоне. Эти люди очень напоминают индийскую касту неприкасаемых. Они социально и даже территориально изолированы (в моем лагере уже делались попытки изолировать пассивных гомосексуалистов, поселив их в отдельную секцию одного из барачков). У них особая посуда. Их даже метят особой татуировкой, и они остаются заключенными до конца жизни.

В наше время, как увидим дальше, стала иной и корпорация воров. Как всякая социальная категория она с течением времени меняется, сохраняя, в то же время, некоторые основные, базовые признаки и устои.

Отвечая в своей статье Л. Самойлову, я отметил эти изменения.⁷ Я высказал предположение, что и та степень унижения человеческой личности, которую увидел в лагере Л. Самойлов, и «дедовщина», которая процветала в армии уже тогда, и численный рост жестоких преступлений, о которых свидетельствовала пресса, – все это отражает какие-то опасные сдвиги в общественной психологии, ее ожесточение. «В этом процессе, симптомы которого мы наблюдаем ежедневно и повсеместно, большую роль сыграли и лагеря – рассадники преступности, более того, лагерной психологии, лагерного образа мышления, лагерных ценностей, лагерного отношения к жизни, разлагающих общество».⁸ Время подтвердило это предположение. Процесс, отмеченный мною еще в 1990 году, продолжается и ныне.

Рост преступности, массовое ожесточение, размывание нравственных ценностей, все то, что в наиболее обнаженном виде мы наблюдаем в тюрьмах и лагерях, в колониях для малолетних и взрослых преступников, в армии в послевоенные десятилетия, – все это началось задолго до войны. Воры, блатные, урки, о которых мы здесь говорим, – это ведь сыновья, а также и внуки бесчисленных жертв сталинщины – раскулаченных, погибших в крестьянских восстаниях, умерших от голода, высланных в Сибирь и Казахстан, арестованных, расстрелянных, сгинувших в лагерях. За спиной каждого – страшная судьба, в которой отразилась история народов России в советское время. Размышляя о невиданном росте уголовных преступлений в советские годы сравнительно с дореволюционной Россией, наблюдая ожесточение уголовного мира, автор одной из книг о советских лагерях пишет: «По сравнению с дореволюционными уголовниками нынешние блатные ... – бешеные тигры». Но он

понимает, «из какой бездны боли подымается звериный рык блатных».⁹ И мы тоже это понимаем.

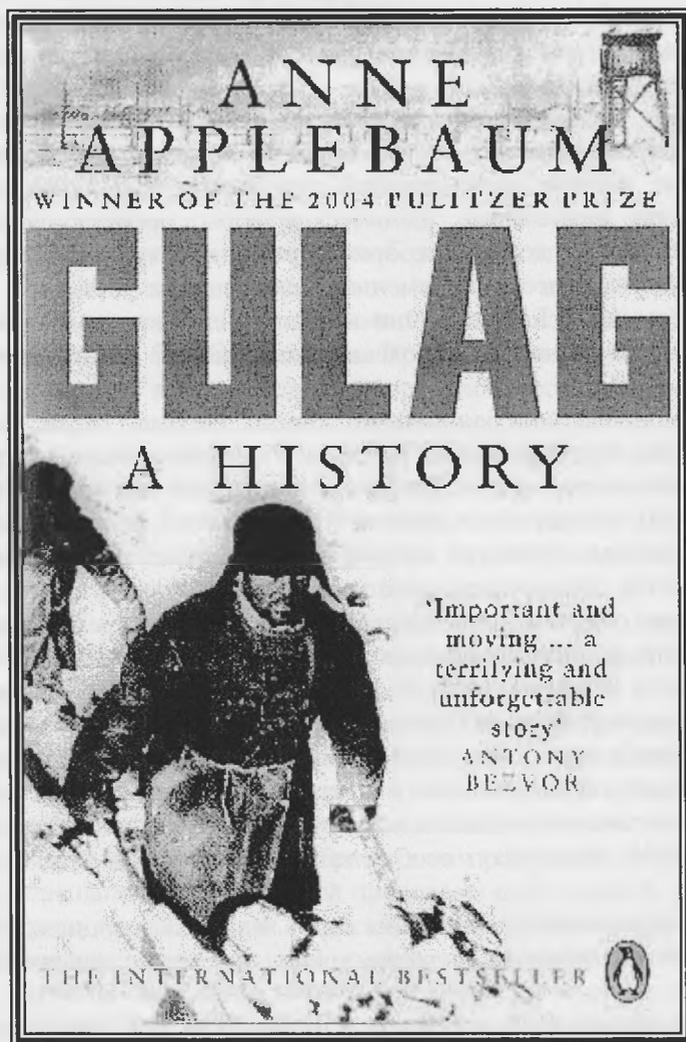
К ним, – как и ко всему нашему поколению, – можно отнести слова Блока:

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего.

Мы – дети страшных лет России –

Забыть не в силах ничего...

Иерархическая структура криминального мира, расслоение его на различные группы, связанные с определенной системой прав и обязанностей, норм и обычаев, привилегий и жестоких наказаний за нарушение неписаных законов воровской этики – все это отмечено во многих воспоминаниях людей, прошедших через лагеря в 1930-50-е годы.¹⁰ Все было как и в моем лагере: на высшей ступени воровской иерархии находились, например, специалисты по ограблению банков и железнодорожные воры, на низшей – обыкновенные карманники; лагерная аристократия, воры в законе, профессионалы резко отличались от остальных заключенных своим обликом и поведением, они были носителями особой воровской культуры, основы которой были заложены еще в криминальном «андерграунде» царской России.¹¹

Иерархия статусов существовала и среди женщин, принадлежащих к криминальному миру. Они тоже вынуждены были подчиняться изощренной и жесткой системе правил и ритуалов.

В советское время сложился хорошо знакомый нам этос воровского мира, противопоставившего себя государству и властям.¹² Советское государство, в лице лагерной администрации, опираясь на древний принцип «разделяй и властвуй», сумело, в свою очередь, противопоставить воров и прочих уголовников как «социально-близких», как «друзей народа», политическим заключенным как «социально-чуждым», «врагам народа». Первые, полагало начальство, скорее могут исправиться и стать добропорядочными советскими гражданами. Психология, моральный уровень уголовного преступника советскому начальству были, конечно, ближе и роднее.

«Воры составляли согласованно действующий, подчиненный строжайшей дисциплине, команде главаря коллектив, готовый в любой момент убить и умереть. Ворам принадлежала агрессивная инициатива. Боялись их все: атомизированные интеллигенты и матерые чекисты. С силой нельзя не считаться».¹³ Там, где политическим заключенным удавалось организовать и противопоставить себя лагерной администрации, она привозила в лагерь группу воров, чтобы с их помощью сломить сопротивление политических и уничтожить зачинщиков.

Исаак Фильштинский в своих воспоминаниях рассказывает, как политические заключенные комендантского лагпункта Каргопольлага, уставшие от произвола уголовников, потребовали у начальства убрать их из лагеря и сумели добиться победы в трудном противостоянии и с лагерной администрацией, и с уголовной массой.¹⁴ Происходило это зимой 1953-54 гг., после смерти Сталина и ареста Берии. Начальство предоставило возможность

политическим, численно преобладавшим и вооруженным самодельным холодным оружием, самим расправиться с уголовниками. На этот раз, вопреки своему кодексу чести, требующему от них бесстрашия и презрения к смерти, блатные согласились добровольно покинуть зону. Обишло без кровопролития. Главную роль в победе политических сыграли их организованность и решимость идти до конца. На лагпункте родилось внутрिलाгерное самоуправление. В дальнейшем, однако, между разными группировками политических заключенных началась борьба за власть, которая завершилась лишь после освобождения большинства политических и перевода оставшихся в другие лагеря.

Этот период в истории Гулага отмечен волнениями и мятежами и в некоторых других лагерях. Одна из глав третьего тома «Архипелага Гулаг» А. Солженицына посвящена восстанию в Кенгире.¹⁵ Оно было направлено против лагерного режима, события здесь развивались иначе, чем в Каргопольлаге, блатные сыграли здесь иную роль, – они поддержали восстание, – и завершилось все это трагедией.

Восстание в Кенгире сопровождалось невиданным духовным подъемом заключенных разных национальностей и вер, мужчин и женщин. «Восемь тысяч человек вдруг из рабов стали свободными», – пишет Солженицын.¹⁶ Рабы поднялись с колен. Национальной резни, на которую рассчитывало начальство, не произошло. Среди представителей многих национальностей были здесь и чеченцы. «Чеченов не упрекнешь, чтоб они когда-нибудь поддались угнетению, – говорит Солженицын. – Смысл кенгирского мятежа они поняли прекрасно... Тяжелы они для окружающих жителей, говорю по Казахстану, грубы, дерзки, души их откровенно не любят. Но стоило кенгирцам проявить независимость, мужество – и отношение чеченов тотчас было завоевано! Когда кажется нам, что нас мало уважают, – мы их проверим, так ли мы живем».¹⁷ Как это верно!

Ну, а воры? «Главный же расчет начальства был, что блатные начнут насиловать женщин, политические вступятся, и пойдет резня. Но и здесь ошиблись психологи МВД!.. Все свидетельствуют, что воры вели себя как люди, но не в их традиционном значении этого слова (как, впрочем – В.К.), а в нашем... Если кенгирскому мятежу можно приписать в чем-то силу, то сила была – в единстве»¹⁸. «Законы бытия и разума диктовали людям сдаться вместе или бежать порознь, а они не сдавались и не бежали! Они поднялись на ту духовную ступень, откуда говорится палачам:

– Да пропадите вы пропадом!..»¹⁹

И палачи жестоко расправились с мятежом рабов, имевших мужество сорок дней оставаться свободными, – в зону ворвались танки, которые давили и женщин, и мужчин.

Лагерная администрация не только использовала воров и сук в своих целях, – она уничтожала одних руками других.²⁰ Бесчисленными сценами взаимной резни воров и сук запечатлены почти все воспоминания о советских лагерях, хотя вражда между теми и другими существовала еще в тюрьмах царской России.

Александр Варди рассказывает о массовой резне в одном из лагерей Севера – она была спровоцирована лагерной администрацией, которая привезла в лагерь, где заправляли суки, большую группу воров в законе.²¹ «Суки в тюрьмах, в лагерях были для простого зека особенно страшны. Они верно служили лагерному начальству, работали нарядчиками, комендантами, бригадами (бригадирами), спиногрызами (помощниками бригадиров). Зверски издевались над простыми работягами, обирали их до крошки, раздевали до нитки. Суки не только были судачками. По приказам лагерного начальства они убивали кого угодно... Воры и суки смертельно враждовали. Попавшие на сучий лагпункт воры, если им не удавалось сразу же после прихода этапа укрыться в бараке усиленного режима, часто оказывались перед выбором: умереть или стать суками, ссучиться. И, наоборот, в случае прихода в лагерь большого воровского этапа суки скрывались в БУРах, власть менялась, лагпункт становился воровским».²²

Что особенно поражает во всем этом, так это пластичность человеческой природы. Поразительно, с какой легкостью происходит превращение людей, вчера еще преданных нравственному закону и воровской чести, не признающих всего, связанного с государством, в сук – существ без совести и чести, верных слуг режима. Возможен и обратный процесс, свидетелями которого мы все недавно были, – вчера коммунист или комсомолец, сегодня предприниматель и криминальный «авторитет».

Расслоение криминального мира продолжалось и в послесталинских лагерях. Кроме воров и сук появились новые категории, например «свояки» – воры, проходящие обучение, –

упомянутые выше «чушки» и многие другие. Все еще встречались «красные шапочки», которые впервые появились в лагерях вскоре после войны. Тогда это были бывшие солдаты и партизаны; там, где они сумели организовать, они брали власть в лагере в свои руки.²³ В послевоенное время шла беспощадная борьба за власть в зоне между ворами в законе и «польскими» ворами. Тогда же появились «беспредельники» или «махновцы», враждовавшие и с ворами в законе, и с суками.²⁴ Священник Андрей Плионковский в воспоминаниях, относящихся к началу 1950-х годов, пишет: «В зоне лютовали уголовники всех мастей: воры в законе, суки, зеленые, красная шапочка, ломом подпоясанные... все они выясняли отношения между собой с помощью ножа и топора».²⁵

Человеческие сообщества с глубокой древности делят мир на «наших» и «не наших», «своих» и «чужих», отторгают «чужаков», переносят на них свою вину, свои преступления, свои страхи и свою ненависть, возлагают на них ответственность за свои несчастья и неудачи, преследуют и убивают их, пытаясь обеспечить этим внутреннюю устойчивость и самовывживание.²⁶ Чужеродцы, иноплеменники были потенциальными врагами и для первобытных охотников. Тюрьма и лагерь предлагают нам одну из моделей этого универсального, общечеловеческого явления.

Социальная структура лагеря была зеркальным отражением советского общества. Каста воров, связанная жестокой дисциплиной и воровским законом, подражала – скорее стихийно, чем сознательно – правящей коммунистической партии с ее иерархией, дисциплиной, кастовостью, привилегиями и монополией на власть, которая держалась на терроре. Малолетки были своего рода комсомолом, кузницей кадров коммунистической партии. Процессы над суками, происходившие на толковищах, напоминали сталинские процессы над «врагами народа». Подобно врагам народа, суки подлежали беспощадному уничтожению. Мужики обязаны были добросовестно трудиться, а это всегда было долгом каждого советского человека, где бы он ни находился. В лагере они облагались подходящим налогом в пользу воров, на воле – в пользу государства и правящей партии, что одно и то же.

Лагерь не просто отражал жизнь на «воле»: лагерь и общество отражали друг друга подобно двум зеркалам, обращенным одно к другому.

У воров, как и у коммунистической партии, имелась своя идеология, свой «символ веры», которыми они оправдывали собственное существование. По убеждению воров, все общество построено на воровстве, «все воруют»; и в этом они были недалеки от истины. Для воров все человечество делится на две полярно противоположные категории – на воров и фраеров; другие различия между людьми, например национальные, не имеют такого же фундаментального значения: важно одно – вор ты или нет. Для правящей партии и большинства советских людей, как и для воров, мир был расколот на своих и чужих, на друзей и врагов. Коммунисты, а за ними и другие советские люди, делили человечество на два антагонистических класса – трудящихся и эксплуататоров; сверх того, мир, в их представлении, был расколот на два геополитических лагеря – лагерь стран социализма во главе с Советским Союзом и капиталистический «Запад»; наконец, мир делился на друзей и врагов Советской страны: Советский Союз был окружен врагами, а внутри страны действовала «пятая колонна». Отголоски этой идеологии мы наблюдаем в России и сегодня.

Эта полярность социальных миров имела мифологическую окраску и уходила в глубины мифологического сознания. Выражением этой полярности была система этических норм, которая действовала лишь в пределах собственной общности, распространялась только на «своих». Для воров законы морали останавливаются на границе между ними и всеми остальными людьми и на последних не простираются: остальные находятся «вне морали», «вне закона», с ними можно делать все, что угодно. Это сближало воров с советскими и нацистскими идеологами, для которых мораль имела классовый, расовый или даже узкопартийный, корпоративный характер. Нацисты только заменили «классового врага» евреями, а классовую борьбу – борьбой с «всемирным еврейским заговором», но принципиальной разницы между идеологиями коммунистов, нацистов или воров не было. Главный принцип здесь – хорошо лишь то, что хорошо для нас: для нашей социальной общности или класса, для нашего народа и нашей страны, для нашей корпорации. Собственное сообщество противопоставляется всему остальному человечеству – а так было еще у первобытных охотников: человечество замыкалось границами собственной этнической общности, собственного племени.

Сами себя воры в законе называют «людьми», подчеркивая этим, что настоящими, ценными людьми являются именно они. Это напоминает самоназвания первобытных племен, которые часто именно так себя и называли: «мы», «люди». Такие самоназвания сохранились в разных частях света вплоть до этнографической современности как названия многих племен. Первобытные охотники, принадлежащие к одному племени, именно себя считали настоящими людьми и противопоставляли себя всему остальному человечеству.

Молодой заключенный, осужденный за «антисоветскую деятельность» и оказавшийся в лагере среди блатных, вспоминает: «Мы были невхожими в их общество. Скорее это даже обязанность, имеющая свой язык, этнографию, культ, искусство, свою, отличную от других, культуру. Ей присущ даже национализм, если блатной мир признать за отдельную нацию... Эта обязанность не терпит отличных от себя».²⁷

Как свойственно всякой группе, живущей в экстремальных условиях и стремящейся к самосохранению, моральный кодекс воров жесток и требует безусловного подчинения «закону», выработанному многими поколениями людей их корпорации. Воровской закон – система неформальных норм, правил, санкций против его нарушителей. В практической сфере он находит выражение в ритуале судебного разбирательства и вынесения приговора, беспощадного к его нарушителям. Особенно суров он к предателям и доносчикам. Разоблаченный доносчик всегда и сразу же становится сукой. «За жалобу начальству – смерть. Такой закон. Провинившийся язык – отрубают с головой».²⁸ Смертный приговор постигнет осужденного, – даже если ему удалось скрыться, – где бы он ни находился, в другом лагере или даже на воле, спустя годы.

Вор в законе не должен иметь семьи, каких-либо отношений с государственными структурами, служить в армии. Он обязан беречь свою честь, отвечать на любое оскорбление. Ворам вообще свойственно обостренное чувство чести. Вор несет ответственность перед «судом», или сходняком, высшим органом воровской власти. Строгой границы между сходняком и толковищем, о котором говорилось выше, вероятно, не существует. Это и не удивительно в условиях неформального, не записанного права. Важнее другое – архаический демократизм этого органа, как бы он ни назывался, напоминающего институты власти в обществе первобытного общества, в эпоху так называемой «военной демократии». Для обществ этого типа были характерны грабительские войны, которые вели военные предводители и их дружинники, при сохранении органов первобытного народовластия – народного собрания и совета старейшин.

Щепетильность преступного мира в соблюдении его законов очень велика, – свидетельствует Варлам Шаламов. «Толкования некоторых сложных дел напоминают тонкую и сложную логику Талмуда». Суды, где «качают права», заняты главным образом рассмотрением дел, связанных с изменой воровскому закону, «юридическим» толкованием сомнительных поступков и ситуаций.²⁹ В экстремальных условиях, однако, – я уже говорил об этом, – нарушаются и самые непреложные законы.

Шаламов рассказывает о переходе в «новый воровской закон» в послевоенных лагерях. Инициатором этой революции внутри воровского мира был блатной по кличке Король – личность полуполегарная, – и происходила она с благословения лагерной администрации. Не буду говорить об обстоятельствах, вызвавших к жизни это движение, о мотивах Короля и его сторонников – все это можно прочитать у Шаламова. Здесь меня интересует другое. Как всякое новое религиозно-нравственное движение в истории человечества, начиная с первобытных времен, переход в новую веру и на этот раз сопровождался особым ритуалом. «Для перехода в новый воровской закон был изобретен обряд, театральное действие. Блатной мир любит театральность в жизни... Новый обряд ничуть не уступал известному посвящению в рыцари...

К губам избиваемого блатаря подносилось лезвие ножа.

– Целуй нож!

Если «законный» вор соглашался и прикладывал губы к железу – он считался принятым в новую веру и навсегда терял всякие права в воровском мире, становясь «сукой» навеки... Всех, кто отказывался целовать нож, убивали. Каждую ночь к запертым снаружи дверям воровских барачных бараков подтаскивали новые трупы. Эти люди не были просто убиты. Этого было слишком мало Королю. На всех трупах «расписывались» ножами все их бывшие товарищи, «подписываясь нож».³⁰ Самые видные воры, каждый по кличке Полтора Ивана – не тот легендарный персонаж, носивший ту же кличку, о котором пишет в своем романе Василий

Аксенов (см. ниже), а реальные воры – умерли, не поцеловав ножа. Но другие, не менее видные, – поцеловали.³¹

«Если у воров в законе были свои воровские неписанные законы, которые они свято стремились соблюдать, то у сук не было ничего запретного и святого».³² Поэтому-то последователи Короля, «вожди нового закона», протестовали, когда их называли суками.

На неписаном законе покоится не только жизнь внутри воровской корпорации – вся жизнь внутри тюрьмы, лагеря или колонии строится на системе нигде не записанных норм, определяющих взаимоотношения заключенных, – на «понятиях». В этом мире «понятия» необходимо знать и соблюдать каждому. Более того, жизнь по «понятиям» шагнула из лагерной зоны в мир современного российского общества, по «понятиям» живет теперь вся страна. В.Ф. Абрамкин и В.Ф. Чеснокова полагают даже, что жизнь по «понятиям» органична русскому обществу, его вековым традициям, что «понятия» «выстроены на народном представлении о справедливости, на национальной культуре».³³ А.Н. Олейник считает, что «жить по понятиям» – значит ориентироваться не на универсальные нормы, а на нормы, принятые среди «своих».³⁴ Такое понимание «понятий», видимо, более реалистично, хотя, может быть, оно только углубляет понимание их Абрамкиным и Чесноковой, так как и традиционные представления русского общества, в которых еще немало архаического, ориентированы на «своих», «наших» и исключают «чужих», «не наших».

Воры в законе, подобно членам коммунистической партии, были носителями секретной информации, недоступной непосвященным, всем, кто не входит в их корпорацию. Толковища или сходки, подобно партийным собраниям, были закрыты для «беспартийных». Монополия на информацию была одной из главных опор монополии на власть – и коммунистической партии, и воровской корпорации. Была она и одним из важнейших явлений традиционной культуры некоторых архаических обществ – например аборигенов Австралии. Подробнее об этом я буду говорить дальше. В архаических обществах, как и в среде воров, одним из орудий сохранения закрытости, секретности информации и коммуникации был язык – особый язык, непонятный непосвященным, то, что воры называют «блатной музыкой» или «феней».

К явлениям, сближающим лагерный социум с социальными структурами глубокой древности, относится и система инициаций. В эпоху первобытности вступление подростков в группу взрослых мужчин-охотников, хранителей засекреченной информации, знатоков мифов и мистерий, людей высокого социального статуса и высокой ответственности, сопровождалось особыми, сложными, иногда мучительными ритуалами. Пройдя эти испытания, подросток приобретал права взрослых мужчин, например право жениться, но на него возлагались и обязанности мужчины перед обществом в целом и группой взрослых мужчин в частности. Внутри воровской корпорации вхождение в привилегированный социальный слой тоже нередко сопровождается особыми ритуалами, словесными и физическими испытаниями, которые делают эти обряды аналогичными инициациям первобытных и архаических обществ, – под последними имеются в виду охотники и собиратели, сохранившие свой образ жизни до этнографической современности, изучаемые этнографией. Подобны они и обрядам посвящения, сопровождающим вступление новых членов в тайные мужские союзы, известные многим народам, в секретные общества, масонские ложи, молодежные группировки. Молодые заключенные, проходившие обряды посвящения в 1950-е годы, – как и позднее, уже в наше время, – должны были произносить клятву верности воровскому сообществу и его законам.³⁵ Обычай этот, вероятно, зародился намного раньше, чем был описан в литературе. Воры в законе давали новичку рекомендацию, отмечая его достоинства, – как это делалось при вступлении в коммунистическую партию. При этом новичок получал кличку – новое имя, и это тоже сближает воровские обряды с инициациями архаических обществ. Новость об этом событии распространялась по системе лагерей, и где бы теперь новый вор не оказался, его статус всюду будет сохраняться, он везде будет пользоваться привилегиями, «положенными» ему по новому статусу, и освободиться от работы, которая ему не «положена».

«Частенько можно было видеть, как, собравшись в куток на нарах, еще не обстрелянная молодежь сидит на корточках вокруг пахана, внимательно слушая его, как школьники учителя. А он... учит их воровским законам».³⁶ Картина эта удивительно напоминает сцены, которые можно наблюдать в архаических обществах во время инициаций молодежи, только место пахана занимает кто-нибудь из старших, наиболее авторитетных мужчин.

По наблюдениям Л. Самойлова архаическим обрядам инициаций с их физическими испытаниями соответствует жестокий ритуал «прописки» в камере или лагере,

сопровождается избиением и «трудными» вопросами.³⁷ В мировом фольклоре правильные ответы сказочного героя на трудные вопросы – одно из главных испытаний, которые придется ему претерпеть, чтобы получить желаемое.

В воспоминаниях, относящихся еще к середине 1930-х годов, рассказано об одном из ритуалов в тюремной камере. «Вошедшего в камеру свежего человека урки встречали брошенным под ноги полотенцем. Бывалый урка вытирал об него свои прохоря (обувь) и небрежно отшвыривал полотенце к параше.

– Свой! – проносился облегченный вздох по камере и, в зависимости от «заслуг», тот получал место на нарах среди блатной элиты».³⁸

Инициации молодых заключенных сохраняются и в наши дни. Теперь, чтобы стать вором в законе, нужны две письменные рекомендации от воров в законе, а стаж поручителей должен быть не менее трех (по другой информации – пяти) лет. По всем тюрьмам, следственным изоляторам и колониям рассылаются письма – ксивы или малявы. Каждый, кому известно что-либо порочащее воровскую честь кандидата, должен сообщить об этом. Кандидат клянется соблюдать воровские законы и принять смерть в случае предательства. Будущему вору наносят татуировку – сердце, пробитое кинжалом, символизирующее «смерть за измену».³⁹ Однако, как сообщают, ритуал инициации все более вытесняется нововведением, отражающим, как я думаю, два взаимосвязанных процесса – широкую криминализацию общества и разложение воровской этики: статус вора в законе можно теперь купить за большие деньги, которые выносятся в общак. Как пишет Ирина Петракова, если раньше для обретения этого статуса необходимо было иметь судимости и рекомендации от нескольких известных воров в законе, желательно из Москвы и Петербурга, то теперь при наличии крупной суммы денег звание вора в законе может получить любой криминальный авторитет, даже ни разу не сидевший в тюрьме.⁴⁰

Большую роль в ритуализации жизни в тюрьме, лагере или колонии, как и в архаических обществах, играет система знаков – татуировка, особый стиль одежды и украшений, поведения и речи, табуирование слов, которые нельзя произносить, вещей, которыми нельзя пользоваться, действий, которые нельзя совершать. Система знаков призвана отличать воров от остальных заключенных, а в древности, в первобытных и архаических обществах, отличала одну социальную общность от другой. В системе знаков выражается принадлежность человека к определенной социальной категории, его социальный статус.

Особенно большое значение в этой системе имеет татуировка. Многообразное символическое и семантическое содержание татуировки как знаковой системы представлено в книге «Энциклопедия русской криминальной татуировки».⁴¹ В. Шаламов в «Очерках преступного мира» называет татуировку «опознавательным знаком ордена». Татуировка не только указывает на принадлежность ее носителя к преступному миру, но и на его «профессиональную» специализацию, его место в криминальной иерархии, его статус, его индивидуальные склонности и многое другое. Вор в законе, например, может иметь на груди изображение парящего орла с короной над головой. Татуировка является своего рода *significatum* «так: она указывает на количество судимостей и может отражать другие факты биографии ее владельца. Регламентация поведения человека, принадлежащего к этому миру, особенно вора, распространяется и на татуировку: разрешается накалывать только то, что тебе положено по статусу. «Отвечай за наколку». Нарушение этого требования, незаконное присвоение татуировки, положенной только вору в законе или «авторитету», жестоко карается – могут срезать татуировку вместе с кожей, даже убить. В архаическом обществе, где татуировка или раскраска тела указывает на племенную принадлежность и статус человека, это было бы равносильно изображению на его теле символа чужого племени, на теле рядового общинника – татуировки, полагающейся только вождю или колдуну. И там, и здесь такой поступок граничит со святотатством.

Татуировка – орудие магии, она служит талисманом, и это тоже погружает ее в атмосферу архаических представлений и ритуалов. В этой роли, например, выступали в советское время наколотые на груди портреты Ленина и Сталина: считалось, что палачи не смеют стрелять в портреты вождей. Наивная вера в святость изображений обожествленных лидеров соприкасалась здесь с древним магизмом. Правда, можно было встретить и нечто иное: Ленина в образе черта с рогами или Сталина с торчащими из пасти клыками, в венке из черепов и надписью «Великий Каннибал – организатор Большого террора».⁴² Чаше, однако, талисманами служили и продолжают служить религиозные символы – распятие, Богородица с

младенцем Христом, ангелы, церкви с куполами и крестами, порою даже символы разных религий, совмещенные в одном изображении.⁴³ Роль талисмана может выполнять не только изображение, но и надпись – например «С нами Бог».

Очень популярны среди мотивов татуировки черепа, звериные морды, змеи. Мотивы эти многозначны, полисемантически, но, в конечном счете, все это – выражение подсознательных эмоций, желаний, страхов в древних, архетипических образах. Такими же древними образами являются крест и свастика. В глазах собственников татуировки крест и слова «С нами Бог» обладают особенно большой магической силой. Будучи талисманами, они, в то же время, являются молитвами, обращениями к Богу, начертанными на

человеческом теле, – подобно крестам и надписям, которые в древности верующие делали на стенах храмов.⁴⁴

Одним из старейших талисманов, известных в мире воров с дореволюционного времени, является изображение жука-скарабея. Скарабей был священным животным еще в Древнем Египте, его изображение охраняло от сил зла, приносило счастье и удачу.

Все эти идеограммы сообщают нам что-то о личности людей, запечатлевших их на своих телах; надо лишь уметь их читать. А это осложняется их многозначностью – например количество куполов храма может означать количество судимостей владельца татуировки. Функциональное значение татуировки у воров то же, что и в архаических культурах, – это особый язык, призванный сообщить нечто важное о ее владельце. Сообщения татуировки могут быть открытыми, декларативными, но могут нести секретную информацию, зашифрованную в аллегорических образах и доступную только посвященным, и это тоже свойственно как современному криминальному миру, так и архаическим культурам.

Татуировка составляет часть тех физических испытаний, которые сопровождают обряды инициации в мире воров. Изображения на теле иницируемых, имеющие символическое значение, нанесение на лицо и другие части тела рубцов и иные приемы ритуальной трансформации тела – все это сопровождало обряды инициации еще в первобытных и архаических обществах. И не только обряды инициации. Ритуальные самоистязания были известны многим племенам американских индейцев; мучительные испытания сопровождали культ солнца.⁴⁵ Ритуальные самоистязания были распространены в Европе в Средние века и сохранились в мусульманском мире – например в шиизме или у факиров Индии. То же повторяется и в мире воров. Инициация как символическая смерть и возрождение к новой жизни в новом качестве – таким было ее значение в древности, такой она остается и в наше время, в иных условиях. Процесс татуировки, как и нанесение на тело рубцов (скарификация), обрезание, выбивание зуба, отрубание фаланги пальца – в первобытных обрядах инициации все это символизировало смерть посвящаемого, замещало его настоящую смерть. Татуировка и другие физические испытания в мире воров, в конечном счете, пусть подсознательно, преследуют ту же цель. Воры в законе часто символизируются в татуировке скелетом или черепом,⁴⁶ архаические обряды инициации сопровождаются превращением тела посвящаемого подростка или будущего шамана в «живой труп» путем изображения красками скелета на его теле.

«Всякое проявление доблести, подчас в самой уродливой, патологической форме, в этом мире высоко котируется... – пишет о ворах И. Фильштинский. – Уголовник часто совершает странные с точки зрения нормального человека поступки: зашивает себе рот, прибивает себя гвоздями к нарам, делает на лбу наколки... Подобные действия должны поднять авторитет блатного в корпорации, обеспечить ему влияние и власть в преступном мире».⁴⁷ Такая мотивация объясняет в поведении блатных многое, но не все: для понимания обрядов инициации ее недостаточно. То же самое относится и к архаическим обществам: и там присутствуют те же мотивы, но их тоже недостаточно для понимания инициаций и других обрядов, сопровождаемых ритуальным уродованием тела и самоистязаниями. Главное в инициациях архаических обществ – тема смерти и возрождения – сохранялась на протяжении всей человеческой истории, сохраняется она и в мире воров. И если татуировка юного уголовного свидетелствует о его возрождении в новом качестве, о вступлении его в мир посвященных, то в дальнейшем она будет указывать на место его в социальной системе, станет

символом его нового статуса подобно родовой или племенной символике в татуировке члена архаической общины.

Татуировка может передаваться по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Редкий образец такой наследственной татуировки – изображение сахалинского каторжника с обритой наполовину головой, с кандалами на руках и свечой в одной руке, на фоне креста. Татуировка первоначально принадлежала деду ее нынешнего собственника, сосланному на Сахалин и освобожденному в 1872 году, – эта дата видна на груди каторжника, – а затем его сыну и, наконец, внуку.⁴⁸

Имеется и много других явлений в жизни воров, которые заставляют вспомнить об архаических культурах. Таковы, например, ритуалы, связанные с игрой в карты.⁴⁹ Конечно, когда мы говорим об архаических обществах, речь идет не о картах, а о сложной, изощренной ритуализации, сопутствующей их обрядовой жизни. То же и здесь: и сама игра в карты как некий священный ритуал, и незабываемый, священный характер обычаев и законов, связанных с нею, – все это переносит нас в атмосферу архаических обрядов.

И эти обряды, и игра воров находятся на грани жизни и смерти. Для воров игра в карты – это нередко игра со смертью; со смертью имели дело и многие обряды древних обществ. И участники архаических обрядов, и члены тайных мужских союзов, и воры-картишки терроризируют окружающих; правда, опасность, исходящая от последних, более реальна: они проигрывают не только деньги и прочее имущество других заключенных, но и их жизнь. Но проигрыш может оказаться смертельным и для самого игрока.

Личность вора в законе, особенно авторитета, пахана, окружена неким священным ореолом подобно табуированной, священной личности полинезийского вождя. Авторитета сопровождает свита шестерок, обслуживающих его; священно, неприкосновенно само пространство, окружающее его и его место в тюремной камере или бараке.⁵⁰

С традиционными обществами – первобытными и архаическими – воровскую криминальную сближает и такое характерное явление как территориальность. У охотников и собирателей она выражалась в закреплении за общинами – основными социальными объединениями – определенных участков племенной территории, в пределах которых члены общины добывали средства существования. У воров – и вообще в уголовном мире – институтом, подобным территориальности в мире первобытных и архаических охотников, являются «зоны влияния». Отдельные криминальные группировки территориально разграничены, закреплены за определенными территориями (например тамбовская группировка и многие другие). То же относится и к крупным авторитетам: например «хозяином» Дальнего Востока был некий Джем (Евгений Васин), «смотрящим» по Петербургу – Костя-Могилы, по Москве – Саша Шорин.

Не буду подробно останавливаться на таком явлении как каннибализм, скажу лишь, что для архаических охотников и собирателей он в общем мало характерен и имеет главным образом ритуальный характер. В лагерном мире факты людоедства имели совсем иное происхождение. Например, двое заключенных, собираясь в побег, приглашали с собой третьего, чтобы убить и съесть его в побеге, зимой, скитаясь в тайге. Третий, разумеется, не бывал посвящен в эти планы. Таких случаев известно немало. А.П. Евстуничев рассказывает, как человек был убит еще до побега: его изжарили и мясо собирались взять с собой, но преступление было раскрыто.⁵¹

Быть может, главное, что сближает лагерный мир с первобытным или архаическим обществами – мифологическое сознание. Мифологизация коллективного сознания в большей или меньшей степени присуща любому обществу. В первобытном обществе, однако, мифологическое сознание доминирует, проникает во все сферы жизни, окрашивая собою любую человеческую деятельность; я говорил об этом в первом из этой серии очерков. Факты, приведенные выше, свидетельствуют, что нечто подобное имеет место и в мире воров. Но это не сближает его и с советским обществом, сознание которого было насильственно мифологизировано.

В очерке «Народ и власть» я говорил об архетипе Спасителя, образ которого возникает в общечеловеческом сознании очень рано и затем проходит через всю историю человечества, то появляясь и исчезая, то возникая вновь. Огромное место занимал этот образ в сознании

советского человека, воплощаясь в личности Сталина. Большое место занимает образ Спасителя и в сознании современного российского общества, которое все еще не освободилось от многих характерных особенностей советского мышления. Сталин в коллективном советском сознании утратил человеческие черты и уподобился некоему всемогущему и всеведующему божеству, спасителю советского народа и всего человечества. Подобный образ возник и в советских лагерях, воплотившись в мифической личности по кличке Полтора Ивана, о котором рассказывает Василий Аксенов в романе «Московская сага» (М., 2004). Полтора Ивана по существу занял в советском лагерном мире место Сталина. В коллективном мифологическом сознании этот персонаж вдохновлял блатных в их борьбе с суками подобно Сталину, который возглавлял коммунистическую партию и весь советский народ в их священной борьбе с врагами народа, или подобно героям и божествам древних мифов, которые возглавляли силы добра и света в их извечной борьбе с силами зла и тьмы.

Много было написано (например В. Шаламовым) о том большом месте, которое занимает в сознании воров и вообще в уголовном тюремном и лагерном мире образ матери. Он имеет несомненные мифологические и религиозные истоки и, как я думаю, косвенно связан с образами Богоматери и ее осужденного на казнь, страдающего сына. Трогательный, озаренный глубоким чувством образ матери, тоскующей вдаль от любимого сына-арестанта, чаще всего одинокой, проходит через тюремный фольклор, появляется во множестве песен, которые звучали и продолжают звучать в тюремных камерах и лагерных бараках:

В воскресенье мать-старушка

К воротам тюрьмы пришла,

Своему родному сыну

Передачу принесла...

Или:

...А рано утром из темного подвала

Старушку-мать на кладбище снесли,

А сына с шайкою – да, с шайкою бандитов

За преступление к расстрелу повели.

Или:

...Он песню пел с такою грустью, не жалея,

Как может петь и тосковать душа еврея,

И уважением прониклись арестанты

К еврейской маме и к босяцкому таланту.

Отец героя в этих песнях почти никогда не упоминается, разве изредка мы слышим что-нибудь вроде:

Ты будешь вор, как был и твой папаша, –

Твердила мне, роняя слезы, мать.

Роль отца героя уподобляется роли Бога-отца христианской парадигмы: он передает сыну свое призвание, а мать оплакивает его неизбежную и трагическую участь.

Иерархическая структура воровской корпорации и всего лагерного социума имеет некоторое подобие кастовой структуры. Однако классические касты, – возникшие еще в эпоху поздней первобытности и хорошо известные, например, индийскому обществу, где они сохранились до наших дней, – имеют наследственный характер. Они эндогамны – люди, принадлежащие к одной касте, вступают в брак только между собой – и непроницаемы для представителей других каст. В лагере, в колонии человек все же может подняться по иерархической лестнице или, напротив, его могут «опустить» на социальное дно, совершив особый обряд. Эта социальная мобильность – конечно, относительная – отличает касты лагерного социума от классических каст. Следует признать, однако, что корпорация воров, вследствие ее замкнутости и регламентации всей жизни ее членов вплоть до взаимоотношений с внешним миром, обладает многими признаками классических каст. С ними ее сближают строго регулируемые формы поведения, эксплуатация низших социальных слоев и тщательная охрана собственных привилегий и интересов, корпоративная взаимопомощь, сотрапезничество, особенности одежды и языка, представления о ритуальной «чистоте» или «нечистоте». Члены воровской корпорации, в любой, самой экстремальной обстановке тюрьмы, этапа или лагеря, немедленно признают друг друга и признаются другими заключенными, – часто благодаря системе знаков, о чем говорилось выше, – и одним своим появлением устанавливают в

«бесструктурном» социуме жесткую иерархическую структуру, строгое деление на высших и низших, и это тоже сближает тюремно-лагерное общество с кастовым.

Строго говоря, в контексте тюрьмы и лагеря речь должна идти не о кастовой, а о псевдокастовой структуре. В отличие от кастовой, псевдокастовая структура воспроизводится не биологически – в основе ее воспроизводства лежат иные, более сложные механизмы. Воспроизводство псевдокастовой структуры можно наблюдать в армии, в среде подростков, особенно в интернатах, и везде оно имеет как бы спонтанный, стихийный характер. Складывается впечатление, что в основе этого явления во всех случаях находятся некие сходные причины и условия.

Корпоративность, обособленность мира воров, подчеркнутая системой знаков, включая особенности одежды и поведения, обеспеченная жесткими этическими нормами, неумолимыми законами воровского мира, – все это далеко не новые явления, они имеют давнее происхождение.⁵² С большим интересом прочитал я, вернувшись из лагеря, и вот эту страницу из воспоминаний моего отца. Он рассказывает здесь о двух жителях Бердянска, которых встретил в 1904 году в бердянской тюрьме. Один из них, игравший в тюрьме роль «Ивана», – блатных, воров в законе тогда называли «Иванами», – «был всегда франтовато одет». Даже «кандалы и кожаные подкандалники на ногах придавали ему какой-то особый шик». Второй прославился на воле «легендарными подвигами», но, попав в тюрьму, «проявил трусость и выдал соучастников преступления. Сидел он отдельно от уголовных, в особой камере, которую называли "сучий куток"». Выходил он на прогулку только «под охраной усиленного состава надзирателей», и из «камер уголовных ему кричали: "Сука! Гад! Легавый!"»⁵³

Все это хорошо нам знакомо – и поведение блатного, и деление уголовного мира на две враждующие группы, одну из которых называли, как и в наше время, суками, и отношение к сукам других уголовных, и даже особая камера для сук; в советское время, как мы знаем, сук обычно содержали в особом лагере, но ведь до революции в России концлагерей еще не было.

Сохранилось многое – даже слово «куток». Вот, например, относящийся к советскому времени рассказ о пересыльной камере Бутырской тюрьмы: «В дальнем от двери углу расположился "куток". Голые по пояс урки с синими орлами и крестами татуировок на жирных телах резались в карты».⁵⁴ В «кутке», где бы он не находился, в тюрьме или лагере, идет своя, закрытая для посторонних жизнь, и напрашивается сравнение с жизнью группы полноповесных мужчин в традиционном архаическом обществе.

Российские криминалисты считают, что воры в законе появились в начале 1930-х годов. В действительности советский криминальный мир лишь воспроизвел старую, еще дореволюционную структуру – деление на «Иванов» и «сук». Уверен, что этой структуре суждена долгая жизнь, и если в меняющихся условиях она исчезает, то со временем возродится снова. Залогом этого является ее давняя история. Она прослеживается уже с первой половины XVIII века, хотя, несомненно, какие-то ее элементы сложились намного раньше. Во всяком случае, уже в XVIII в. существовали некоторые категории профессиональных преступников, устойчивые воровские группировки, тайный воровской язык, воровские клички, правила приема в шайку и другие неформальные нормы, сыгравшие такую большую роль позднее. Ярким свидетельством всего этого является, в частности, карьера вора Ивана Осипова по кличке Ванька Каин (1718-1755). Обряд его посвящения в общество воров состоялся в Москве, под сводами Каменного моста, после того как он внес в шайку денежный взнос и был рекомендован другими ворами. В 1741 г. Ванька Каин решает изменить ворами и становится осведомителем сысского приказа, после чего начинается его двойная жизнь, напоминающая биографии известных полицейских осведомителей-провокаторов более поздних эпох, например Азефа, а затем и некоторых бывших диссидентов советского времени.

В конце XIX века, в тюрьмах и на каторге, сформировалась, по словам А. Гурова, «определенная иерархия» уголовных преступников, включающая несколько крупных категорий, начиная с «Иванов» и кончая «шпанкой», и множество профессиональных групп; тогда же появилось и понятие «масть». Если «шпанка» представляла собою дно уголовного мира, то «Иваны» и подобные им, по словам С. Максимова, распоряжались жизнями осужденных, были их судьями и законодателями. В. Дорошевич называл их даже «аристократами» каторги, ее «правлящими классами». Наибольшим авторитетом в уголовном мире пользовались, как и в мое время, специалисты по ограблению сейфов, технические воры, люди высокой квалификации. Другой группой, связанной устойчивыми нормами, способной навязывать свою волю не только заключенным, но и администрации, были профессиональные

игроки в азартные игры, имевшие «рабов» из числа каторжан, проигравших собственные жизни. Уже тогда существовала категория заключенных, которые брали на себя преступления других лиц подобно нынешним «громоотводам». В условиях воли воры-рецидивисты объединялись в «малины», – термин, сохранившийся в том же значении до наших дней, – а их главари назывались, как и в наше время, паханами.⁵⁵

Все говорит о том, что к концу XIX в. продолжалась дифференциация уголовного мира, отдельные категории которого были связаны жесткими неформальными нормами, что эти нормы, эти традиции превращались в подобие позднейшего «закона», который, однако, еще не объединял весь уголовный мир страны. Это произошло лишь в советское время, чему способствовали усложнившиеся условия самовывживания этого мира, необходимость противопоставить силе – силу, тоталитарному государству – подобную ему социальную структуру. Если в дореволюционной России «вор в законе» еще отсутствовал, это еще не значит, что не существовала сама эта социальная категория. Она уже складывалась, – и термин «Иваны» отражает этот процесс, – но лишь в советское время она приобрела законченный, признанный всем уголовным миром характер. Теперь так стали называть авторитетного в своей среде вора, имевшего судимости, принятого в сообщество воров на специально собранной сходке, всесторонне проверенного и рекомендованного другими ворами, а прежде всего разделяющего Закон и обязующегося свято соблюдать его.

Я уже говорил о том, что блатной мир и коммунистическая партия имели много общего. И это – не случайное совпадение. То же происходило и происходит и в иных сообществах, которые либо оказываются в угрожаемой ситуации, либо стремятся сохранить себя как замкнутую группу, обеспечить внутреннюю стабильность, удержать власть и корпоративные, сословные привилегии.

Но как объяснить аналогии с первобытным обществом? Обоснованны ли они? И не означают ли эти аналогии, что и коммунистическая партия, в свою очередь, воспроизводила некие древние структуры социального поведения и сознания?

На протяжении последних 40 тысяч лет, с тех пор как сформировался человек современного физического типа, его психофизиологическая природа не менялась, она оставалась на том же уровне, на каком она находилась в эпоху позднего палеолита. Это и является одним из главных условий устойчивости древних архетипов сознания и общественного поведения. Они дремлют в глубинах коллективного сознания, но когда в них ощущается потребность, в благоприятной ситуации, вновь выходят на поверхность.

По мнению Л.Самойлова, «мы созданы для того, чтобы быть первобытными охотниками». Правда, на протяжении многих тысячелетий развития культуры сформировались механизмы, способствующие адаптации человека к новым социокультурным условиям. Однако в ситуации «дефицита культуры» психофизиологическая природа человека освобождается от культурных норм, и он снова превращается в «дикаря».⁵⁶

Это объяснение мне кажется недостаточным, и я хотел бы предложить иное. В основе феномена, о котором идет речь, находятся единые для всего человечества структуры сознания, – единые как в пространстве, так и во времени. Они-то и способствуют воспроизводству в различных группах человечества, в разные эпохи, социальных и духовных явлений, восходящих к глубокой древности и запечатленных в глубинах общечеловеческой памяти. Их я и называю архетипами.

Примеров этому жизнь предлагает немало. Таков мир воров, как на воле, так и в тюрьме и лагере, где присущие ему особенности выступают как бы в концентрированном и обнаженном состоянии. О том, как воспроизводится структура первобытного социума, его сознание и поведение, в группе подростков, поставленных в экстремальные условия, показано в романе У. Голдинга «Повелитель мух». В масонских ложах и других тайных обществах, известных истории, воспроизведены характерные черты тайных, или мужских союзов, широко распространенных среди представителей архаических культур всех континентов.

Разумеется, на индивидуальном облике явлений, порожденных древними архетипами сознания и социального поведения, лежит отпечаток конкретных социально-исторических условий, культурной среды, экологии. Особенности их формирования в каждом отдельном случае обусловлены конкретными обстоятельствами места и времени. Но нечто общее, однотипное их объединяет. Типологическая общность этих, на первый взгляд очень разных явлений, и дает основание говорить об их универсальности. Возрождение древних социальных и культурных структур в формах, обладающих фундаментальным сходством, пересекающих

границы исторических эпох и континентов, – вот что позволяет говорить о том, что в основе их заложены некие единые для всего человечества праформы, вот в чем, и только в этом, выражается их универсальность.

При всех различиях социально-культурной адаптации первобытное, палеолитическое общество, как и архаические охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ общества не отличались принципиально от нашего. О первобытном обществе среди широкой публики бытуют упрощенные и зачастую неверные представления. Оно кажется многим диким, примитивным, подавленным страхом перед стихийными силами природы. Все это далеко от истины. Традиционная культура охотников и собирателей по-своему богата и сложна. Их духовный мир, их религия и мифология, их системы социокультурной адаптации к условиям среды поражают многообразием и своеобразной изощренностью. Когда мы говорим о воспроизводстве древних структур в более поздние эпохи, речь идет лишь об однотипных явлениях, о воспроизводстве не всего древнего сооружения, а лишь его каркаса. Из двух явлений, типологически однородных, каждое по-своему индивидуально, оно отражает особенности своей социально-исторической, культурной, экологической среды. Мы имеем дело с неким древним сосудом, наполненным всякий раз иным содержанием.

В отличие от современного лагерного мира и других закрытых социальных структур, традиционное общество охотников и собирателей гармонично, оно стремится жить в согласии с самим собой и природой, его не раздирают противоречия, то загоняемые внутрь, то вырывающиеся наружу. В то же время оно достаточно гибко и пластично. Свойственная ему совокупность социальных статусов еще не превратилась в окостеневшую кастовую систему. Этим объясняются и устойчивость архаических обществ, и способность их адаптироваться к меняющимся на протяжении тысячелетий условиям.

Явления, возникающие при воспроизводстве древних социальных структур, – не просто «пережитки» далекого прошлого. Они выполняют задачи, поставленные современной им действительностью. В тех конкретных условиях, о которых идет речь в этом очерке, они призваны укрепить, консолидировать некий коллектив, придать ему устойчивость, необходимую в борьбе за жизнь и доминирование, сохранить его систему ценностей, организовать его взаимоотношения с внешним миром.

Воспроизводство древних социальных структур в позднейшие эпохи, условия, причины и механизмы этого феномена многообразны и далеко еще не изучены. Каждый отдельный случай требует особого внимания. Во всем этом еще много тайны. То, о чем я пишу, что я пытаюсь здесь аргументировать, в значительной мере гипотетично. Но это – гипотеза, позволяющая понять очень многое и в современной нам жизни, и в истории. Она еще ждет своих исследователей.

Выше я упомянул среди многих других явлений, общих для воровской корпорации и коммунистической партии, монополию на информацию. Она была для тех и других одним из главных средств сохранения власти и привилегий. Анализируя традиционные формы социального поведения у аборигенов Австралии и некоторых других охотников и собирателей, О.Ю. Артемова отмечает, что и им в прошлом было свойственно то же самое явление. Сравнительно узкая часть общества – в подавляющем большинстве случаев старшие мужчины – хранили и удерживали в тайне от других членов общества жизненно важную для него информацию, главным образом религиозно-магического и мифологического характера. Монополизация информации сочеталась с преднамеренной, санкционированной дезинформацией непосвященных, внушением им ложных сведений, искаженных версий мифов и тому подобное. Монополизация сакрального знания и дезинформация непосвященных были одним из важнейших социально-идеологических институтов, способствующих становлению общественного неравенства, формированию иерархических социальных структур.⁵⁷ Появляясь впервые в обществах первобытных охотников, это явление затем проходит через всю историю человечества,⁵⁸ воплощаясь в самых разных формах, вплоть до центральных органов коммунистической партии, для которых монополизация информации и преднамеренная дезинформация остального населения страны были важнейшими орудиями господства.

К тем же приемам обращается и постсоветская российская власть. Стоя над обществом, контролируя его, она сама недоступна его контролю. Монополия на информацию, преднамеренная дезинформация своего населения – вот что помогает ей удерживать контроль над обществом, а самой оставаться неподконтрольной. Подконтрольность власти обществу – короткое и исчерпывающее определение демократии, без этого любые разговоры о демократии

лишены смысла. «Управляемая» или какая-то особенная «русская» демократия, о которой так любят рассуждать в России, – это что-то вроде осетрины «второй свежести»: помните буфетчика из «Мастера и Маргариты»? Это – демократия «второй свежести». А свежесть, – как справедливо замечает другой герой Булгакова, – «бывает только одна – первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая». Как и демократия.

Тюремная субкультура оказывает большое и разностороннее воздействие на постсоветское общество; об этом свидетельствуют новейшие исследования. Под тюремной субкультурой понимается совокупность ценностей и норм, преимущественно неформальных, регулирующих повседневную жизнь находящихся в заключении людей; субкультура противопоставляется мегакультуре как культуре общества в целом. По утверждению Антона Олейника, постсоветская тюрьма – зеркало современного состояния российского общества.⁵⁹ С тем же основанием можно сказать, что и общество – зеркало тюрьмы. Олейник показывает, как живет по «понятиям», рожденным в уголовной среде, российский бизнес, как велико влияние ценностей и норм криминальной субкультуры в поведении и словаре политических и государственных деятелей. В повседневном русском языке, – а язык хорошо отражает сознание общества, его культурный уровень, его моральные ценности, – сохранилось до 30 процентов слов и выражений из криминального арго 1930-50-х годов.⁶⁰ Любопытно, что слова «блат», «блатной», без которых невозможно ни понять, ни описать советскую и постсоветскую действительность, пришли из мира одесских воров XIX века.⁶¹

Несколько по-иному оценивает значение современной тюремной субкультуры Екатерина Ефимова.⁶² Она пишет, правда, что все, отмеченное печатью официальной власти, заключенными категорически отвергается. Государственная власть в тюрьме не признается. В этом отношении ее наблюдения совпадают с традиционным взглядом на отношения между государственной властью и уголовным миром, прежде всего ворами в законе: первая, как мы знаем, всегда ими отвергалась. Тюремная субкультура – вызов обществу, ведущая ее черта – противопоставление «своих» норм, принятых в тюрьме, «чужим» нормам, господствующим в обществе, – пишет Ефимова. Настораживают, однако, ее утверждения, что власть криминального «авторитета» основана на убеждении, более того, что социальные различия и противоречия в тюрьме нейтрализуются.⁶³

Мы ведь помним, – и это подтверждают свидетельства многих людей, прошедших тюрьмы и лагеря и близко наблюдавших уголовную среду, – что власть внутри воровской корпорации была основана не на убеждении, а на «законе», жесткой системе норм и правил, правда, системе неформальной, «записанной» лишь в коллективной памяти людей, добровольно принявших эту систему и обязавшихся свято соблюдать ее. Мы помним, что из этого факта вытекало понятие измены «закону» и что на этом было основано главное, и непримиримое, социальное противостояние внутри уголовного мира – деление его на воров в законе и сук. Мы знаем, наконец, что уголовный мир, в тюрьме и лагере, был насковзь иерархичен и стратифицирован, что он строился на соподчинении социальных страт, или слоев, – имеющих некоторое сходство с позднепервобытной социальной структурой, – и что история Гулага на протяжении нескольких последних десятилетий свидетельствует не о затухании, а об углублении этих тенденций, о продолжающемся расслоении тюремно-лагерного социума, расщеплении его на «своих» и «чужих».

Я был бы готов согласиться с тем, что нормы тюремной субкультуры противопоставлены нормам, господствующим в обществе, если бы этому не противоречили выводы А. Олейника, да и все, что мы знаем о современном российском обществе, – что господствующие в нем нормы все более становятся нормами тюремной камеры, что тюрьма все более «растворяется» в обществе. Что тюрьма и лагерь, с одной стороны, и общество, с другой, – как я и говорил уже в этом очерке, – это два зеркала, обращенные одно к другому, отражающие друг друга. Так было в советское время и стало еще очевиднее и обнаженнее теперь. Вот почему я вынужден согласиться с Алексеем Мокроусовым, автором рецензии на книгу Е. Ефимовой, когда он упрекает ее в том, что «установка на маргинальность» тюремной субкультуры, в частности тюремного фольклора, лишает ее исследование «необходимой перспективы». Мы ведь знаем, например, что «блатная» и лагерная песня перестали быть периферийным явлением уже в 1960-70-е годы. «Тюрьма не маргинальна», – справедливо пишет А. Мокроусов, – она «в каком-то смысле внутри каждого из нас».⁶⁴

Необходимо признать, однако, что «растворение» тюрьмы в обществе, размывание границы между этими двумя мирами привело к каким-то очень важным сдвигам не только в обществе в целом, но и в самом уголовном мире. «В последние годы институт воров в законе претерпел сильные изменения. Статус вора в законе уже не такой влиятельный, как прежде», – пишет И. Петракова. Нынешние воровы в законе «уже не придерживаются старых правил криминального мира, легализуют свой бизнес и идут в политику». Они «пытаются проникнуть в легальный бизнес и властные структуры, используя коррумпированных чиновников», – говорит она в другом месте.⁶⁵ Их деятельность ориентирована на организацию преступных группировок и исполнение роли третейских судей, пытающихся разрешать конфликты между этими группировками. – конфликты, которые нередко заканчиваются криминальными «разборками» и убийствами. Сегодня воровы в законе – это скорее лидеры преступных сообществ или даже шариатские предприниматели. Сами они кровью рук не пачкают – для этого в их распоряжении имеются бригады исполнителей. Рэкет, финансовые махинации, подкуп должностных лиц – это и многое другое поручается «пехоте».

В прошлом воровской «закон» запрещал вору в законе окружать себя дорогими вещами, носить личные деньги, тем более – жить в особняке, ездить в собственном автомобиле. Часть своей добычи вор отдавал в общак, а на остальное «гулял». Сегодня все это изменилось, немыслимое вчера стало возможным, обычным сегодня.⁶⁶ И причина этого – в самом обществе. Изменилось коренным образом общество – вот почему меняется и криминальный мир. Он по-прежнему остается зеркалом общества. Воспроизводит ли он все еще древние архетипы социального поведения и сознания – этого мы не знаем. Но я не сомневаюсь, что в изменившихся социально-исторических условиях это произойдет снова, как бывало и в прошлом. ■

⁶⁵ В.В. Горшков. Мне подарили мою жизнь. – В кн.: Поживши в Гулаге. Сборник воспоминаний. М., 2001, с.304.

⁶⁶ Подробнее см.: О.Ю. Артемова. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.

⁶⁷ A.W. Howitt. *The Native Tribes of South-East Australia*. L., 1904, pp. 79-81; О.Ю. Артемова, там же, с. 88.

⁶⁸ Уголовная империя. – http://www.aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Лев Самойлов. Этнография лагеря. – Сов. этнография, 1990, № 1, с.96-108.

⁷¹ В.Р. Кабо. Структура лагеря и архетипы сознания. – Сов. этнография, 1990, № 1, с.108-113.

⁷² Там же, с.110.

⁷³ А. Варди. Подконвойный мир. Франкфурт/М., 1971, с.17, 18.

⁷⁴ A. Applebaum. *Gulag. A History of the Soviet Camps*. L-NY., 2003, pp.261-270.

⁷⁵ F. Varese. *The Russian Mafia*. Oxford, 2001, pp.162-164.

⁷⁶ В.Ф. Абрамкин, В.Ф. Чеснокова. Уголовная Россия – тюрьмы и лагеря. М., 1998, т. 1, с.7-22.

⁷⁷ А. Варди, с.18.

⁷⁸ И. Фильштинский. Мы шагаем под конвоем. Рассказы из лагерной жизни. М., 1994, с.170-180.

⁷⁹ А. Солженицын. Архипелаг Гулаг. Париж, 1975, т.3, с.300-348.

⁸⁰ Там же, с. 316.

⁸¹ Там же, с. 336.

⁸² Там же, с. 322.

⁸³ Там же, с. 339.

⁸⁴ A. Applebaum, p. 422; В.Ф. Абрамкин, В.Ф. Чеснокова, с. 10-11.

⁸⁵ А. Варди, с. 73-77.

⁸⁶ А. Жигулин. Черные камни. М., 1990, с. 147.

⁸⁷ A. Applebaum, pp. 418, 481.

⁸⁸ В. Шаламов. Очерки преступного мира. – В кн.: В. Шаламов. Колымские рассказы. СПб., 2002,

с. 225-224.

⁸⁹ А. Плионсковский. Путевка в жизнь. – <http://www.moskvam.ru/2001/07/plionsk.htm>

⁹⁰ См., например: R. Girard. *La violence et la sacré*. Paris, 1972 (Р. Жирар. Насилие и священное. М.,

2000).

⁹¹ В.В. Горшков, с. 303.

⁹² А. Варди, с. 11.

⁹³ В. Шаламов, с. 312, 313.

⁹⁴ Там же, с. 318-319.

- ³¹ Там же, с. 323.
- ³² А.П. Евстуничев. Наказание без преступления. Сыктывкар, 1991, с. 176.
- ³³ В.Ф. Абрамкин, Особенности русских национальных понятий – <http://www.coast.ru/referats/library1/prison/nravy/ponyat/doc001.htm>
- ³⁴ А.Н. Олейник. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
- ³⁵ А. Applebaum, p. 264; F. Varese, pp. 146-150.
- ³⁶ В.В. Горшков, с. 304.
- ³⁷ Л. Самойлов, с. 102.
- ³⁸ Н.Н. Болдырев. Зигзаги судьбы. – Поживши в Гулаге. Сборник воспоминаний. М., 2001, с. 91.
- ³⁹ Уголовная империя. – http://www.aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm
- ⁴⁰ И. Петракова. Ворам закон не писан. – <http://www.gazeta.ru/2003/12/16/novyevoryvza.shtml>
- ⁴¹ *Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia*. Steidl-Fuel, 2003, pp. 206-215, 304-311. См. также: Татуировки заключенных. Из личного собрания ветерана МВД СССР Д.С. Балдаева. СПб., 2000.
- ⁴² *Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia*, pp. 232, 233.
- ⁴³ *Ibidem*, pp. 147, 148 et al.
- ⁴⁴ A. Plutser-Sarno, The language of the body and politics: the symbolism of thieves' tattoos. – *Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia*, p. 35.
- ⁴⁵ R.M. Underhill. *Red Man's Religion*. Chicago, 1974, pp. 142-153.
- ⁴⁶ A. Plutser-Sarno, p. 49.
- ⁴⁷ И. Фильштинский, с. 71-72.
- ⁴⁸ *Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia*, p. 186.
- ⁴⁹ А. Applebaum, p. 267-269; Д. Лихачев. Картежные игры уголовников. – Соловецкие острова, 1930, № 1, с.32-35.
- ⁵⁰ Ср. например: А. Applebaum, p. 264.
- ⁵¹ А.П. Евстуничев, Наказание без преступления, с. 180.
- ⁵² Об уголовном мире, тюрьме и каторге дореволюционной России, помимо Достоевского («Записки из Мертвого дома») и Чехова («Остров Сахалин»), писали С.В. Максимов (Сибирь и каторга, т. 1-3, СПб., 1871), Л. Мельшин (П. Якубович) (В мире отверженных, СПб., 1899), Г.Н. Брейтман (Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников, Казань, 1901), В.М. Дорошевич (Сахалин, М., 1907) и многие другие. На этих материалах основано фундаментальное исследование М.Н. Гернета (История царской тюрьмы, М., 1946-1951).
- ⁵³ Р.М. Кабо, Моя бабушка. – Р.М. Кабо. Воспоминания, письма, очерки (<http://www.aboriginals.narod.ru>)
- ⁵⁴ В.В. Горшков, с. 289.
- ⁵⁵ А.И. Гуров. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990, гл. 2. Профессиональная преступность в дореволюционной России.
- ⁵⁶ Л. Самойлов, с. 103-104.
- ⁵⁷ О.Ю. Артемова. Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004, с. 160-213.
- ⁵⁸ А зачатки этого явления обнаружены уже у человекообразных обезьян. «Шимпанзе, орангутанги и гориллы довольно часто прибегают к утаиванию информации или распространению ложных сведений. Они делают это, чтобы получить монопольный доступ к пище или иным привлекательным для них вещам, обеспечить собственную безопасность, завоевать расположение особи противоположного пола или сородичей, имеющих более высокий социальный статус, и т.д.» (Я.А. Шер, Л.Б. Вишняцкий, Н.С. Бледнова. Происхождение знакового поведения. М., 2004, с. 23.)
- ⁵⁹ А.Н. Олейник, Тюремная субкультура в России.
- ⁶⁰ Оценка произведена А.Н.Олейником на основе анализа книги Ж. Росси «Справочник по Гулагу» (М., 1991).
- ⁶¹ Ж. Росси. Справочник по Гулагу, М., 1991, т.1, с. 32.
- ⁶² Е. Ефимова. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М., 2004.
- ⁶³ Там же, с. 115 и др.
- ⁶⁴ А. Мокроусов. Тюремный романс. – http://index.org.ru/nevol/2005-2/mokr_n2.htm
- ⁶⁵ И. Петракова. Ворам закон не писан.
- ⁶⁶ Уголовная империя. – http://www.aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm ■